

46.7

ПЗ1

М. ПЕТРУНКЕВИЧ

I 1195135

КАК САМОМУ НАТАСКАТЬ ЛЕГАВУЮ

МОСКВА

КОИЗ

1932

46-7

ПЗІ

КОИЗ № 312

Ответственный редактор А. Минченко

Лит. редактор И. Резников

Техн. редактор Ю. Барсукова

Выпускающий А. Ратнер

1 $\frac{1}{4}$ печ. листов

Статформат Б₆ 125×176 (73×105 $\frac{1}{32}$)

Сдана в набор 3 октября 1931 г.

Подписана к печати 20 ноября 1931 г.

Отпечатана в 8-й тип. Мосполиграф

В количестве 20.000 экз.

Наряд № 3179

Уполномочен. Главлита № В.13287

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя брошюра имеет в виду главным образом начинающих охотников. Никакой претензии на новизну она не имеет и дает лишь указания молодому охотнику, как правильно, легко и быстро самому выдрессировать и натаскать легавую собаку.

Равным образом я не собираюсь касаться вопроса о классификации легавых собак, ни заниматься описанием отдельных пород.

Желающие ознакомиться с этим вопросом найдут почти исчерпывающие ответы может быть в несколько устаревшей, но все же превосходной книге Л. П. Сабанеева „Легавые собаки“.

Точно так же я не рассматриваю вопросов об уходе за щенной сукой и щенками. Я убежден, что ни один молодой охотник не ограничится чтением одной брошюры и изложение всех этих вопросов найдет в любой другой книжке, причем в этой части собаководства все будет изложено достаточно правильно, чего, к сожалению, нельзя сказать относительно изложения методов дрессировки и охоты.

Не касаюсь я также ни вопроса о стандарте пород, ни вопроса о выставках собак и связанных с ними ме-

тодах собаководства, ни наконец, полевых испытаний,— все это слишком сложные вопросы, о которых можно говорить лишь в больших специальных трудах, а не в маленькой книжке.

Итак задача данной брошюры сводится лишь к основным указаниям по части охоты с легавой собакой.

ЛЕГАВАЯ СОБАКА

Под легавой собакой в тесном смысле этого слова понимают такую собаку, которая, отыскав сидящую на земле птицу, делает по ней продолжительную стойку, дающую возможность охотнику подойти к собаке по возможности вплотную и застрелить поднявшуюся птицу в лет.

Легавые собаки делятся на две основные группы: 1) английские легавые и 2) континентальные легавые.

Английских легавых четыре породы: пойнтер, английский сеттер, ирландский сеттер и сеттер-гордон.

Континентальных пород гораздо больше: несколько французских, несколько немецких, испанских, итальянских, польская, старинная русская и другие. Отдельные породы как английские, так и континентальные подразделяются на типы как по сложенню, так и по окрасу, например, тяжелый и легкий пойнтер, желто-пегий, кофейно-пегий, черный пойнтер и т. д., но они не представляют собой отдельной породы. Разномастных и даже разнотипных собак одной породы часто скрещивают друг с другом, но скрещивание разных пород не допускается, за исключением тех случаев, когда желают вывести новую породу.

Какой же породе дать предпочтение перед другими? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего выяснить, какие требования должны и могут быть предъявлены к легавой собаке. Легавая собака должна, во первых, с наивозможной быстротой и осторожностью найти птицу; во-вторых, убедившись в несомненном присутствии искомой птицы, она должна на достаточном от нее расстоянии остановиться и подождать охотника; в-третьих, она должна подвести охотника к птице на более близкое расстояние, но так, чтобы отнюдь не вспугнуть птицу; в-четвертых, она должна замереть на стойке и стоять так до приказа охотника; в-пятых, по приказанию охотника она должна „подать птицу“, т. е. вспугнуть ее, причем при взлете птицы остаться стоять на месте; в-шестых, после выстрела (опять-таки по приказанию охотника) она должна принести убитую птицу или, по крайней мере, подвести к ней охотника, чтобы он мог ее взять. Если птица была не одна, а несколько, то собака должна (еще до подачи убитой птицы) сделать новую стойку близ сидящей птицы и т. д., а затем подбратить и принести всех убитых птиц.

Таким образом к легавой собаке должны быть предъявлены эти шесть основных требований. Та собака, которая наилучшим образом их выполнит, и будет наилучшей. Кроме этих основных требований охотник может пожелать научить собаку многому другому, относящемуся к другой охоте, напр., к охоте по зверю или по птице, сидящей не на земле, а на дереве; или даже чему-нибудь, к охоте вовсе не имеющему отношения, напр., искать потерянную вещь и т. п., но эти требования при оценке двух собак одной или разных пород или при сравнении разных пород между собою не могут быть принимаемы во внимание. Основными остаются вышеуказанные шесть требований, характеризующие охоту с легавой; та порода будет лучше, т. е. выгоднее для охоты, которая более

Всего отвечает этим требованиям. Группа английских легавых (сравнительно с группой континентальных) отличается более широким и быстрым поиском и обычно лучшим чутьем; но она менее пригодна для других надобностей, напр., догонять раненого зайца, лаять на раненую и далеко ушедшую дикую козу, охранять оставленные на попечении собаки вещи и т. д. Наоборот, континентальные легавые отличаются тихим и коротким поиском, копаются при подводке, но зато, особенно немецкие легавые (короткошерстая, длинношерстая и жесткошерстая), более пригодны в условиях германской охоты, где охотятся с легавой на зайцев, диких коз и даже барсуков и любят разные охотничьи трюки, так что легавая собака делается как бы универсальной. Ясно, что в условиях охоты в СССР английские легавые предпочтительнее. Что касается до отдельных пород английской легавой, то все они одинаково хороши, причем отдельные экземпляры могут попадаться и первоклассные и никуда негодные в каждой породе. Между прочим не лишнее заметить, что охотничьи качества передаются по наследству. Приобретая щенка, необходимо осведомляться, действительно ли от полевых родителей он происходит: чем больше в его родословной собак, известных своими охотничьими достоинствами, тем лучше. Это особенно важно еще ввиду того обстоятельства, что на выставках собак постоянно получают даже высшие награды собаки, охоты и не нюхавшие, так как призы выдаются лишь за экстерьер, вне всякой зависимости от полевых достоинств собаки.

ДРЕССИРОВКА ЛЕГАВОЙ СОБАКИ.

Соответственно различным требованиям, предъявляемым к охоте с легавой собакой, имеется два основных, весьма отличающихся друг от друга метода дрессировки: английский и немецкий.

Первый отличается чрезвычайной простотой, так что каждый охотник, не лишенный обыкновенного здравого смысла и некоторой выдержки, может сам выдрессировать своего щенка; второй метод отличается сложностью и пунктуальностью, так что овладеть им обычно могут только специалисты. Так как в условиях охоты в СССР вполне достаточен английский метод, лишь немного видоизмененный применительно к требованиям этой охоты, то я излагаю только его, совершенно не касаясь немецкого метода; я также не касаюсь обычного у англичан сопутствия ретривера* и охоты с двумя легавыми, т. е. так называемого секундирования**.

Дрессировка легавой в широком смысле этого слова делится на собственно дрессировку и натаску. Дрессировкой в узком смысле слова называется обучение легавой в комнате (и в поле) всему тому, что ей необходимо знать, с одной стороны, для того, чтобы не вносить неприятности в домашнюю жизнь (соблюдение чистоты, недопущение грызть неподходящие предметы, вежливость к домашней птице и т. п.), с другой стороны, в качестве необходимой подготовительной работы к будущей охоте.

Натаской называется приучение собаки четко выполнять те шесть основных пунктов охоты с легавой, которые перечислены в первой главе. Не лишнее заметить, что залогом успеха (как при дрессировке, так и при натаске) являются: спокойствие, ясное понимание того, чего желаешь добиться, ласковое в общем обращение с поощрительными наградами в виде какого-нибудь лакомого куска и, наконец, строгое наказание за серьезную провинность, но без жестокости и лишь в тех случаях, когда на собаку не действует стыд—чувство, которое необходимо всячески развивать.

* Особая порода легавой собаки, апортирующая убитую дичь.

** Так называется стойка второй собаки, делаемая не потому, что собака чует дичь, а потому, что стоит первая собака.

Начинать дрессировку следует возможно раньше. В некоторых руководствах рекомендуется начинать дрессировку чуть ли не с годовалого возраста, но это глубокое заблуждение. Уже двухмесячный (даже месячный) щенок привыкает понимать свое имя и итти на зов хозяина. С этого же возраста необходимо приучать щенка к чистоте. Однако до трех месяцев едва ли правильно применять розгу; достаточно каждый раз, как щенок пачкает, ловить его за шиворот, показывать ему, что он сделал, и со словами: „стыдно стыдно“, — выносить на улицу, продолжая говорить: „Стыдно! Просись! Просись!“ Мало-помалу щенок начинает понимать, чего от него требуют, и начинает пищать, просясь выпустить. Если до трех месяцев щенок не привыкнет проситься, то необходимо прибегнуть к розге. Лучше всего для этого брать небольшой тонкий березовый прутик, так как обычная плетка для такого щенка слишком тяжела. Добиться того, чтобы щенок не пачкал в комнате, совершенно необходимо, так как неприученную к чистоте собаку нельзя держать в комнате, нельзя брать с собой в вагон и т. д. Если не добиться от собаки соблюдения чистоты в раннем возрасте, то порок этот может остаться у нее на всю жизнь.

Собственно дрессировка разделяется на ряд последовательных коротеньких уроков, повторяемых два — три раза в день, пока щенок не усвоит их вполне четко.

Первым уроком (не включая в уроки приучение щенка итти на зов и приучение к чистоте) является обучение ложиться по приказанию. Щенка силою заставляют лечь, придерживают рукой и говорят: „Даун“ или „ляг“ (в старину употребляли вместо английского слова „даун“ французское слово „куш“). Когда щенок при слове „ляг“ ляжет сам, ему необходимо дать какое-нибудь лакомство, напр., кусочек хлеба с маслом или мяса, а еще лучше сыра.

Следующий урок заключается в том, что щенка приучают останавливаться перед пищей по слову „тубо“. Так как он уже знает „даун“, то этого легко добиться словами: „даун“ — „тубо“. Продержав таким образом щенка несколько секунд перед миской, ему говорят: „пиль“ и позволяют есть, ласково повторяя: „пиль, пиль“. В дальнейшем, щенку перед всякой едой всегда говорят сперва „тубо“, а потом разрешают есть по слову „пиль“.

К последующим урокам нельзя приступить раньше чем щенок не начнет совершенно отчетливо исполнять „даун“ „тубо“ и „пиль“. При повторении уроков „даун“ весьма полезно поднимать руку и в течение последующих уроков добиться того, чтобы щенок понял, что поднятие руки параллельно земле и помахивание ею означает то же самое, что слово „даун“. Это иногда бывает полезно на охоте, когда можно испугать птицу криком; это вообще приучает собаку понимать не только слова, но и жесты.

Третий урок заключается в обучении щенка аппортированию. Не лишнее заметить, что все щенки очень охотно аппортируют брошенные им предметы (мячик, тряпку и т. п.), но в зрелом возрасте многие, даже превосходные на охоте английские легавые перестают аппортировать битую дичь. С этим недостатком приходится мириться. Тем не менее, урок аппортирования не проходит бесследно для общего воспитания собаки, и уже по одному этому он должен быть рекомендован; много шансов за то, что собака будет приносить и убитую дичь, а уж вытаскивать ее из воды—почти наверное.

Континентальные легавые собаки аппортируют убитую дичь с большим удовольствием. Урок начинается с того, что перед щенком бросают мячик и кричат: „аппорт!“ Щенок всегда с удовольствием бежит за мячиком и хватает его; но обыкновенно он и не думает нести мячик к хозяину. Тогда к нему нужно подойти, взять его за

ошейник (или за шиворот, если нет ошейника) и со словами: „отдай, отдай“ — отобрать мячик. Прodelав то же самое несколько раз, добиваются того, что щенок сам принесет брошенный мяч. Лакомый кусочек в награду за выполнение поручения довершит дело. Щенок твердо усвоит, что он должен принести мячик по слову „аппорт“ и отдать его хозяину.

Четвертый урок заключается в обучении искать спрятанную вещь. Щенку показывают мячик (или другую вещь которую он уже привык подавать), бросают его в противоположную сторону так, чтобы щенок не видел, куда покатился мячик, и говорят: „ищи, ищи“ (или по-французски „шерш“). По первому времени щенок не поймет, чего от него желают. Тогда щенка подводят к мячику и показывают со словами: „ищи, аппорт“. Увидев знакомую вещь, щенок бросается к ней и приносит. Кусочек лакомства служит наградой за выполнение задания. Когда щенок вполне поймет смысл слова „ищи“, ему показывают вещь, затем заставляют лечь и прячут эту вещь в другой комнате или на улице. Вернувшись, ласкают лежащего щенка и заставляют искать, первое время, конечно, подводя его к спрятанной вещи. Постепенно щенок приучается отыскивать вещь, идя по следам хозяина, и работает безошибочно.

Чем больше занимаются со щенком, тем больше нравятся ему самому эти незатейливые уроки. На этом, можно сказать, предварительная дрессировка кончается. Кто пожелает, может обучить анонсировать (докладывать) о спрятанном лакомстве. Щенку говорят: „ищи, тубо и приди сказать!“ и затем следят за действиями собаки в открытую дверь. Когда щенок найдет лакомство, — зовут его, повторяя: „приди сказать!“ Когда он подбежит, говорят: „ну, иди покажи!“ Идут за ним и хвалят его, позволяя, наконец, съесть после слова „пиль“. Такому анонсированию щенки обучаются очень легко, но напрасно молодой охотник

выведет из этого заключение, что его питомец впоследствии будет анонсировать по дичи. Увы, чаще всего инстинкт берет свое, и собака, нашедши дичь, твердо продолжает стоять на стойке, не приходя к хозяину с докладом о том, что дичь найдена. Известный русский охотник Диц утверждал, что анонсу по дичи собаку легко научить, приучая ее по свисту сходить со стойки. Может быть, это и так, но другие (не менее авторитетные охотники) находят, что постоянное отзывание со стойки вредно действует на собаку в смысле уменьшения твердости стойки,—качество, которое нужно предпочесть всяким анонсам. Поэтому анонс хорош только тогда, когда собака доходит до него своим собственным умом. Такой собаке —цены нет.

Приучив собаку анонсировать по спрятанному лакомству, можно ее приучить подавать шляпу и галоши, носить вещи и проделывать ненужные для охоты трюки. Нужно отдать справедливость, что все такие уроки несомненно сближают собаку с человеком: хозяин начинает любить собаку, как члена семьи, и собака смотрит на хозяина преданными глазами, встречает его улыбками, когда он подходит, становится его другом, который и на охоте не изменит и не подгадит.

По окончании комнатной дрессировки необходима еще дрессировка в поле; обычно она предшествует натаске. Эта полевая дрессировка, помимо повторения всей комнатной (но на большем расстоянии), сводится к двум требованиям: 1) чтобы щенок беспрекословно (и немедленно) шел на зов и на свист и 2) чтобы он, по приказанию „сзади к ноге!“,—шел за ногой дрессировщика. Добиться этого нетрудно, но бывают довольно упорные субъекты, по отношению, которым приходится прибегать к плетке, так как ясно видно, что имеешь дело с непониманием, а с непослушанием. Само собою разумеется, что еще до этого урока, т. е. с самого раннего детства, нужно

приучить щенка послушно гулять на цепочке, а не тянут изо всех сил.

Обычно в руководствах, для развития будущего поиска, рекомендуют заставлять собаку искать в поле, где заведомо не может быть дичи. Таким образом, по мнению этих авторов, вырабатывается поиск „восьмеркой“ или „челноком“. Испытав этот совет на деле, я убедился что умная собака, привыкшая искать определенные предметы, быстро догадывается, что ее заставляют искать зря, и, вероятно, думает про себя: „чего дурака валяешь!“ По моему мнению, хороший поиск вырабатывается не в пустом поле, а в процессе натаскивания по дичи.

НАТАСКА ЛЕГАВОЙ СОБАКИ

Когда щенку минет девять месяцев, можно начинать натаску, так как натаска начинается месяца за полтора до открытия охоты. Разумеется, редко бывает так, чтобы щенка начинали натаскивать, когда бы ему было ровно девять месяцев; одну собаку можно начать натаскивать и с восьми месяцев, а другой щенок будет уже годовалый и даже полуторагодовалый, когда удастся приступить к этому делу. Для хорошо дрессированной и привыкшей к послушанию собаки полуторамесячной натаски достаточно для того, чтобы ко дню открытия охоты получить собаку, вполне пригодную для серьезной охоты. Однако полная опытность приобретается ею лишь после двух или трех лет всесторонней охоты.

Для натаски необходим ремень длиной от 2 до 4 метров, по возможности толстый, упругий и жесткий (какие употребляются на пряжь) с упряжкой на конце, чтобы можно было пристегнуть к ошейнику. Когда такой ремень свободно продвинут между ногами собаки, она чувствует себя во власти дрессировщика (без ремня она начинает

бесчинствовать). Иногда вместо ремня употребляют простую веревку длиной до 15 метров. Но веревка плоха тем, что она легко захлестывается за куст или кочку, а еще того хуже—за заднюю ногу собаки; это может нанести большие раны и искалечить собаку.

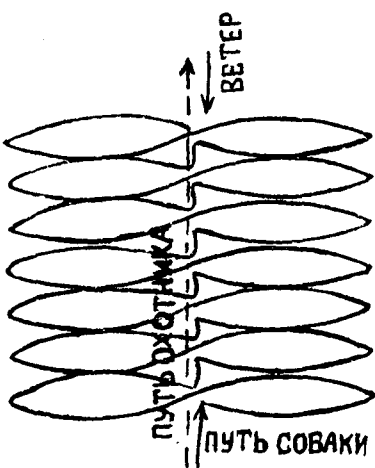

Рис. 1. „Восьмерка“.

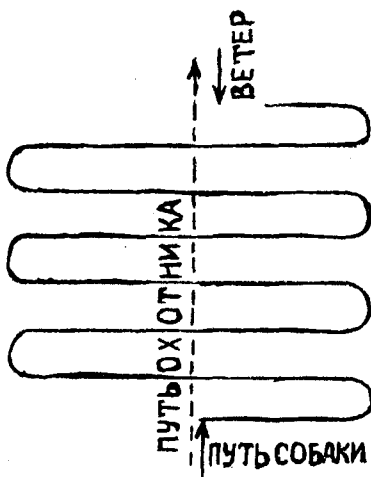

Рис. 2. „Челнок“.

Употребление строгого парфорса *) нужно только для собак, не получивших хорошей комнатной дрессировки, собака же, вообще привыкшая к повиновению,—слушает хозяина и без парфорса (тянущийся по земле ремень служит для нее достаточным напоминанием). Мне, например, при натаскивании своих собак, ни разу не приходилось прибегать к помощи парфорса; егеря же, готовые

* Парфорс—ошейник с иглами.

на полевые испытания чужих собак, обычно употребляют парфорс.

Начинать натаску лучше всего в болоте, по бекасам. За неимением бекасов, иногда поневоле приходится натаскивать по лесной дичи, преимущественно по тетеревам; но это гораздо хуже; в болоте собака все время на виду, в кустах же она легко может скрыться из глаз.

Итак, придя на болото, прикрепляют к ошейнику собаки ремень (англичане называют его „чок-кордой“) и приказывают собаке

искать. Щенок инстинктивно уже склонен искать, а ваше приказание еще более располагает его к этому; он начинает шнырять и что-то искать. Нужно все время рукою указывать ему, чтобы он искал сперва направо от вас, а затем налево, т. е. бежал бы, описывая

фигуру вроде цифры 8, отчего такой поиск и получил название „восьмерки“*. Начинать искать нужно всегда

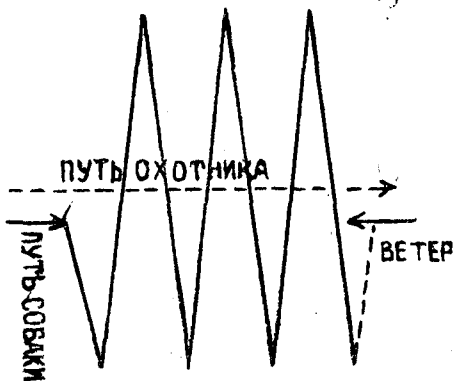

Рис. 3. „Зигзаг“.

* Я сохраняю старинный термин „восьмерки“. В настоящее время этот самый поиск, изменив лишь чертеж, называют „челноком“. Французские охотники называют его зигзагом. Во избежание недоразумений привожу все три схемы.

Если вдуматься в эти три схемы поиска и принять во внимание, что в действительности ни один охотник не пойдет по геометрической прямой, а сабака побежит по правильной геометрической кривой только в воображении кабинетного специалиста, то ста-

против ветра. На практической охоте это правило, конечно, не всегда выполнимо, но при натаске его нужно придерживаться самым строгим образом.

Когда собака наткнется на бекаса или его след, она инстинктивно сделает стойку. Между прочим стойка врождена полевыми линиями легавых собак. Самые маленькие щенки (месяцев трех) уже преисправно стоят по курам, голубям, воробьям, лягушкам, бабочкам и даже мухам. Если щенки до начала натаски ни разу стойки не делали, а бекас вылетел у них под носом без стойки (и такое поведение снова повторится), можно с уверенностью сказать, что собака происходит от неполевых родителей. Хотя такую собаку после долгих мучений и можно научить стойке, но едва ли из нее выйдет что-либо путное.

Как только собака сделает стойку, ей нужно кричать „тубо“ и держать на стойке по возможности долго. Обычно через некоторое время бекас не выдержит и вылетит. Если собака бросится за ним, нужно резким свистом или окриком „назад“ ее остановить и заставить вернуться.

Во всяком случае при следующей стойке (или еще лучше, — как только собака начнет приискивать) необходимо остановить ее и взять за ремень, а затем заставить искать уже на ремне. Когда собака замрет на стойке, нужно либо держать ремень в руке, либо наступить на него ногой и при взлете птицы приказать собаке лечь. Повторяя приказание: „даун“ при каждой новой стойке во время взлета птицы, постепенно добиваются

нет до очевидности ясным, что все три поиска оказываются одним и тем же; таким образом спор ведется о словах, в которые вкладывается не соответствующее действительности содержание. А если еще вспомнить, что собаку часто приходится подзывать свистком для того, чтобы по пути сделать маленький кружок и обыскать более тщательно какую-нибудь подозрительную куртину, то такие отступления еще более нарушают неизбежность чисто теоретической схемы.

того, что собака будет ложиться уже при самом взлете, не ожидая окрика.

Некоторые дрессировщики укладывают собаку на стойке еще до взлета птицы, но по моему мнению, лежащая стойка некрасива, а главное от лежащей собаки трудно добиться, чтобы она по крику „пиль“ быстро выгоняла затаившуюся птицу, что бывает иногда совершенно необходимо (как это знает всякий опытный охотник) при охоте на лесную дичь.

Часто собака делает стойку перед кустом. Дичь явно затаилась либо в кусте, либо у куста. Если в этом случае охотник сам начнет вытаптывать птицу, она всегда вылетит с противоположной стороны куста, и либо стрелять ему совсем не придется, либо будет сделан промах. Наоборот, при хорошей подаче охотник становится сбоку куста, заходя даже несколько вперед собаки (лучше выбирать более открытое место для стрельбы), и по слову „пиль“ приказывает подать птицу, т. е. ее выгнать. Однако первое время собаке нельзя позволять выгонять или, как говорится, подавать птицу; нужно (если птица не поднимается) выгонять ее самому, все время приговаривая собаке: „тубо, даун“.

Когда собака вполне усвоит, что она не только не должна бросаться за птицей, а наоборот, должна ложиться при взлете,—главное внимание нужно обратить на так называемую подводку. Достигается это следующими приемами. Как только будет замечено, что собака причуяла птицу, необходимо остановить ее криком „тубо“. От этого собака постепенно приучается становиться на стойку далеко от птицы и ждать хозяина, пока он к ней не подойдет совсем близко. Затем по новому приказанию, она начинает подходить к птице ближе, пока не определит точно, где она находится; тогда уже собака замирает в мертвой стойке. Приучить собаку к предварительной стойке, на дальнем расстоянии, а затем—к осторожной

подводке совершенно необходимо; без этого собака легко насккивает на птицу, и птица вылетает, когда охотник находится от нее далеко или стоит за кустом.

Одновременно с этими уроками собаку приучают к правильному, быстрому и широкому поиску. У английских легавых поиск так же врожден, как и стойка. Обычно все обучение сводится к тому, чтобы не испортить этого бесценного таланта. К несчастью при горячности английской легавой (особенно при горячности ирландского сеттера, который во всех других отношениях является чудеснейшей собакой) приходится зорко следить за тем, чтобы она не вздумала погнать (иногда даже в голос) по вылетевшей птице.

Из-за этого неопытные или недостаточно знающие охотники склонны впадать в ошибочное стремление держать собаку около себя, т. е. сужать поиск. Не следует забывать, что отучить молодую собаку от гоньбы—дело вовсе не трудное, а вернуть ей широкий поиск после того как она будет приучена к узкому—дело очень трудное. (К сведению молодых охотников добавляю, что под широким поиском я понимаю не то, чтобы собака уходила далеко от охотника и там искала самым узким поиском или может быть даже ничего не делала; широким поиском называется добросовестное искание легавой на скаку огромными правильными восьмерками или параллелями, которые увеличиваются на открытом болоте и сужаются в лесу).

В наших условиях охоты (огромные пространства с небольшим сравнительно количеством дичи) можно проходить целый день с собакой, обладающей узким поиском, и ничего не найти; в то время как собака с широким поиском на тех же самых местах найдет два-три выводка. Следовательно, преимущество широкого поиска очевидно; но он, конечно, требует от собаки послушания и опытности. Все нарекания на неудобства широкого поиска доказывают

лишь то, что этим охотникам не приходилось видеть хороших полевых собак.

Приучив собаку отчетливо искать бекасов, делать по ним стойку на далеком расстоянии, затем подводить и крепко стоять (а при взлете ложиться), нужно перейти к натаскиванию по лесной дичи. Обычно кто-нибудь из лесников, пастухов или охотников знает, где имеется выводок тетеревов. Хорошенько выяснив это место и убедившись („по цопкам“) в присутствии выводка, идут с собакой рано утром в указанное место.

Так как в кустах собаку легко потерять из виду (что крайне нежелательно), то здесь прибегают к помощи туго прикрепленного проволокой к ошейнику бубенчика (но не колокольчика, так как при плавном ходе собаки его не слышно). Спортсмены бубенчика решительно не допускают и издеваются над охотниками, которые (испробовав пользу бубенчика при натаске) охотятся с бубенчиком. Но такие спортсмены имеют собак натасканных егерями. Они не подозревают того, что егеря обычно натаскивают собак с бубенчиком; в присутствии же спортсмена бубенчика на собаку не надевают.

Позвякивание бубенчика, несколько не пугая тетеревят, достаточно далеко слышно в кустах, и собака не ускользает от внимания охотника. Когда звон бубенчика умолкнет, можно достаточно скоро найти в этом месте собаку, большей частью уже на стойке и взять ремень в руку.

Обычно matka тетеревят вылетает, не выдерживая стойки. В этом случае собака может соблазниться и погнаться за нею, вместо того чтобы лечь *. Если собака не бросится за вылетевшей маткой, то начнет правильную

* Если такой неприятный эпизод случится, то в следующий раз нужно стараться не допускать этого, своевременно наступая ногой на ремень. В случае явного непослушания следует наказывать собаку.

подводку, которую уже изучила на бекасах. Тетеревята сидят очень крепко, и собака подойдет к каждому из них вплотную. Не следует, однако, позволять собаке выгонять их; лучше самому рассмотреть перед носом стоящей собаки, где затаился в траве малыш-тетеревенок, и выгнать его прутиком, закричав собаке „даун“ и не выпуская из рук ремня, чтобы собака не вздумала погнать.

Когда собака отчетливо научится находить тетеревов и твердо стоять, можно сказать, что собака готова для охоты. Однако натаску нужно продолжать ежедневно до дня открытия охоты, чередуя бекасов с тетеревами (само собой разумеется, что речь идет о таких местах, где водится и та и другая дичь).

Если собака вместо того, чтобы ложиться при взлете (или по крайней мере, оставаться на месте, не бросаясь за птицей) гонится за птицей, то итти с нею на охоту недопустимо. Необходимо во чтобы то ни стало добиться укрощения этой, хотя и понятной, но недопустимой страсти собаки, ибо, в противном случае, эта гоньба за птицей превратится в ее порочную привычку. Наступая ногой на ремень и каждый раз наказывая собаку плеткой достаточно сильно, а в крайности даже применяя строгий парфорс, всегда можно добиться того, что собака перестанет гнать и будет ложиться при взлете птицы (или хотя бы — оставаться на месте) без попыток погнаться за нею.

Итак, охота начинается тогда, когда собака абсолютно не гонится за дичью. Тогда можно взять ружье*.

* Если собака уже привыкла к выстрелам (напр., при стрельбе в цель и т. п.), то опасаться испугать ее выстрелом не приходится. Однако вводить это в курс домашней дрессировки (как рекомендуют, например, немецкие дрессировщики) совершенно излишне. Нужно только помнить, что стрелять птицу можно исключительно из-под стойки, и тогда самая робкая собака, даже боящаяся грозы, не будет пугаться самого оглушительного выстрела.

Охотник должен придерживаться следующего правила при стрельбе на охоте с натаскиваемой собакой. Когда собака твердо станет по птице (бекасу или тетеривинуому выводку), охотник, все время, покрикивая „тубо“, выгоняет птицу и стреляет. (Желательно—не „пропуделять“, хотя конечно никто не гарантирован от этого). В обоих случаях необходимо крикнуть собаке „даун“ и прежде всего приласкать ее; затем в случае промаха—итти искать новую птицу, а если птица убита, пойти самому взять убитую птицу, показать ее собаке и дать обнюхать, отнюдь не позволяя хватать. Когда будет убита вторяя птица, необходимо следить за тем, чтобы собака отнюдь не бросилась поднимать убитую птицу; наоборот, нужно заставить собаку лечь и успокоиться, затем приказать ей искать убитую птицу, а когда она ее найдет, словом „тубо“ удержать собаку над птицей и опять самому ее взять.

Проделав это несколько раз, т. е. приучив собаку находить убитую птицу, следует попытаться приказать ей аппортировать. Если собака осторожно возьмет птицу и охотно понесет и отдаст ее вам, то задача разрешена хорошо; но если собака, взяв птицу, ее бросит, то не следует ее насиловать. В этом случае следует взять птицу самому и некоторое время не повторять опыта. Я уже упоминал, что именно английские легавые часто чувствуют не преодолимое отвращение к аппортированию дичи, я также указывал выше, что с этим недостатком английских легавых приходится мириться. Здесь следует добиваться лишь того, чтобы собака нашла убитую птицу и стала перед нею, если не на такую стойку, как по живой, то хотя бы на своеобразную стойку.

Если собака аппортирует четко и хорошо, то и тут не следует успокаиваться; всегда нужно следить, чтобы она не бросалась аппортировать без приказа. Наоборот, после выстрела собака непременно должна ложиться, чтобы не спугнуть, например, рядом сидящую птицу и,

вообще, чтобы не забывать, что она все делает по приказанию охотника, только для него, а не для своего удовольствия. Такие указания могут показаться смешными, а между тем, подобные замашки глубоко коренятся в психологии собаки.

Когда собака научится не бросаться после выстрела, все равно убита ли птица или улетела, нужно перестать самому выгонять птицу и перейти к обучению собаки поднимать птицу на крыло по приказанию. Если собака ни за что не хочет двинуться с места, то ее следует обласкать и слегка подтолкнуть, повторяя: „пиль“. Добиться так называемого подавания (не в смысле аппортирования убитой птицы, а в смысле выганизывания затаившейся птицы, по которой собака стоит на стойке) необходимо, так как иначе многие птицы будут уходить без выстрела, вылетая ловко за кустом или далеко сбегая.

На этом курс натаскивания можно считать совсем окончанным и перейти к описанию самой охоты. Следует только упомянуть, что если на охоте случайно выскочит заяц, и собака бросится за ним, то за этот проступок ее нужно хорошенько наказать плеткой.

ОХОТА С ЛЕГАВОЙ ПО БОЛОТНОЙ ДИЧИ

Говоря о болотной дичи, приходится иметь в виду только бекаса, дупеля и гаршнепа. Все остальные, весьма многочисленные виды болотной дичи подвертываются под выстрел более или менее случайно и не могут считаться объектами охоты с легавой.

Бекас. Из перечисленных трех видов болотной дичи я на первое место ставлю бекаса. Не потому, конечно, что охотнику приятнее положить в сетку дюжину бекасов, чем дюжину дупелей, а потому, что охота по бекасу, если можно так выразиться, является душой и серд-

цем всей охоты с легавой. Бекас, всюду встречаясь в достаточном количестве, вместе с тем по своим качествам является идеальной птицей для натаски молодой собаки; охота на бекаса способствует выявлению и развитию всех ее талантов, с одной стороны, и посрамлению копуна—с другой стороны. Бекас сравнительно редко сбегает, великолепно выдерживает не чрезмерно близкую стойку, но в то же время не любит, чтобы собака на него напирала, т. е. требует от собаки далекого верхнего чутья и далекой стойки с хорошей подводкой; в противном случае он слетает, не выдержав стойки.

Бекас водится преимущественно в топких и мокрых болотах как совершенно открытых, так и покрытых кустарником. Хотя он часто попадает по окраинам моховых болот, но его любимейшим местопребыванием являются огромные, луговые трясиновые болота, по которым в некоторых местах не пройдешь без риска для жизни; попав на такую трясиину, начинаешь высматривать: не видно ли где ржавого местечка, поросшего особым стелящимся растением с толстыми стеблями и редкими листьями, похожими на листья конского боба (почему охотники и называют это растение бобовником). Корневища и стебли этого растения, образуя нечто вроде сетки, настолько прочны, что выдерживают тяжесть человека. Где его нет, там ходить по трясиине нередко очень опасно. Но такие обширные топи, кишашие бекасами, попадают сравнительно редко; знамениты, напр., плавни Днепра и его притоков.

Обычно бекасов приходится стрелять по окраинам моховых болот, а также по кочковатым и очень мокрым болотам полулугового, полулесного характера, т. е. поросших бредняком, или по топким берегам ручьев и речек. В этих местах бекас живет от самого своего прилета до осени, когда начинает перелетать с одного болота на другое, постепенно готовясь к отлету.

Охота на бекаса, согласно закону о сроках охоты, начинается 1 августа, т. е. когда молодые бекасы летают уже довольно недурно, хотя, правда, без знаменитых бекасиных зигзагов. В промышленном отношении бекас едва ли может иметь серьезное значение и является лишь объектом для натаски легавой и увлекательного спорта.

Охота на бекаса сводится главным образом к тому, чтобы собака делала первоначальную стойку возможно далеко от притаившегося в траве бекаса, а затем, когда охотник подойдет, осторожно подводит ближе и, не напирая на бекаса, замерла на окончательной стойке. Едва собака по слову „вперед“ двинется с места, как бекас мгновенно вылетает с характерным криком и бросается то в одну, то в другую сторону. Новичок от этого легко „пуделяет“, но для опытного стрелка эти маневры особой трудности не представляют,—момент прекращения зигзагов является самым удобным мгновением для выстрела.

Таким образом, если собака чутьиста, становится на дальнюю стойку и вообще вежлива, то охота на бекаса дает полную возможность насладиться красотой поиска, стойки подводки, а также и ловкостью выстрела, зачастую даже дублета, так как иногда из-под стойки вырываются два бекаса и летят в разные стороны.

Но как же научить собаку становиться на предварительную стойку достаточно далеко? Ответить на этот вопрос довольно трудно. Глупая или бесчутая собака к этому вообще неспособна. Зато умная собака, обладающая хорошим чутьем, быстро соображает, что поступила неладно, напорвшись на бекаса; она очень конфузится, когда начинаешь ее стыдить. Так и видно в ее глазах, что она понимает, что бекас улетел без выстрела по ее вине; сделай она стойку подальше, этого бы не случилось. И с следующим бекасом она поступает уже гораздо осто-

рожнее, но, разумеется, лишь в том случае, если обладает хорошим чутьем. Терпеливо обращаясь с собакой, стыдя ее словами и отнюдь не прибегая к плетке, в конце-концов, добиваешься разумного отношения, и охота по бекасам становится высшим наслаждением. Даже в том случае, когда имеешь дело с особенно напуганными бекасами, если они сидят в низкой траве на водяном болоте и, не выдерживая даже далекой стойки, вырываются шагов на 50 от собаки,—все же с вежливой собакой можно набить много бекасов, так как при самой короткой потяжке успеваешь приготовиться к выстрелу.

Любопытно, что именно такую картину охоты на бекасов изображает, как обычную известный старый немецкий охотник Дицель в книге „Die Niederjagd“, выдержавшей бесчисленное множество изданий. Даже в последнем, совершенно переработанном издании, где пользуется некоторым признанием английская легавая и английский метод дрессировки, все же проповедуется такая невероятная ересь, будто для охоты по бекасу требуется самый узкий поиск, почти у самых ног стрелка. Я прошу молодых охотников твердо запомнить, что именно при натаске и охоте по бекасам добиваются обучения собаки самому широкому и быстрому поиску, далекой первоначальной стойке, великолепной подводке, мертвой заключительной стойке и классическому подаванию (взлету) птицы.

Охота на бекасов продолжается до морозов, когда болота начинают застывать, и бекас улетает.

Дупель. Дупель сильно отличается от бекаса по образу жизни; он выводит птенцов в недоступных крепях, а затем высыпает на открытые (не мокрые, а только влажные) болота и кочковатые луга. Эти высыпки местных дупелей происходит недели за три до раннего осеннего пролета. В настоящее время дупелей так истребили, что говорить о сколько-нибудь прибыльной охоте на местных дупелей не приходится. Поэтому охота на дупелей сводится

исключительно к стрельбе пролетных дупелей по осенним высыпкам.

Трудно определить, по каким именно местам бывают высыпки. Дупелей можно найти и в болоте, и на лугу, и по берегу ручейка, и просто по сухим кустикам близ болотины и по совершенно сухим кочкам и по несжатым овсам*.

Хотя дупель иногда убегает под носом у собаки, но подыматься в воздух он не любит и выдерживает стойку сколько угодно времени; если собака обладает пороком продолжать стойку, никак не реагируя на слово „пиль“, точно это ее не касается,—буквально не знаешь, как вытоптать нежелающего подыматься дупеля. Дело зачастую кончается тем, что нервный охотник может самым позорным образом промахнуться по зафурчавшему сзади жирному дупелю. Зато какая бывает чудесная охота с собакой, которая не только умеет стоять, но и во-время подвинуться за сбежавшим дупелем; она заставит дупеля подняться кверху в пяти шагах от охотника, имеющего возможность хладнокровно взять птицу на мушку и стрелять без промаха, как при пробе ружья в цель. Нужно только не разбить дупеля так, что и на жаркое ничего не останется.

Улетают дупеля гораздо раньше бекасов, так что вся охота на них продолжается недели две, а затем, хотя и попадают отдельные экземпляры, но лишь случайно.

Гаршнеп. Несравненно меньшее значение, чем бекас или дупель, имеет гаршнеп; охота на него носит преимущественно спортивный характер, отчасти благодаря чрезмерно малой величине гаршнепа, отчасти потому, что стрелять в него (особенно в Центральной полосе СССР) приходится лишь поздно осенью, на пролете. За-

* Если жатва овса задержалась, то это бывает очень неприятно, так как тогда пролет может пройти по одним овсам, где дупеля не возьмешь, ибо за помятый овес охотнику придется нести ответственность.

то когда попадется хорошая высыпка гаршнепов, то это—чудная охота! Только надо помнить, что здесь уже совсем не годится собака, которая не умеет поднимать твердо сидящую птицу. Гаршнеп сидит так плотно, что поднять его без собаки положительно невозможно; буквально кажется, что на него можно наступить ногой, и он все же не полетит.

Когда собака подает, как говорится, весело, то получается впечатление, что она может его подковырнуть носом. Полет гаршнепа тихий, но не ровный, он порхает, как бабочка; стрелять скорее легко, чем трудно. Единственным минусом охоты является то, что гаршнеп держится на очень мокрых и топких местах и в такое время, когда вода уже холодна настолько, что ходить в поршнях невозможно, и приходится надевать высокие сапоги, постоянно рискуя зачерпнуть через голенище.

Рыночной ценности гаршнеп не представляет — уж больно он мал, но зато вкусом мяса не уступает, а может быть даже превосходит и дупеля и бекаса.

Дергач и болотные курочки. Говоря об охоте с легавой по болотной дичи, я уже упомянул, что только бекас, дупель и гаршнеп являются объектами этой охоты. Прочих куликов приходится стрелять лишь случайно. Зато болотные курочки и дергачи (или, как они иначе называются, коростели) часто смущают молодую и неопытную собаку.

Так как мясо болотной курочки ничего не стоит, а ее поведение во время стойки собаки ничем не отличается от дергача, то скажу несколько слов лишь о последнем, мясо которого превосходно.

Хотя коростеля обычно помещают в полевую дичь, и своим характерным криком он оглашает в тихий, теплый июньский вечер именно поля и луга, но стрелять его приходится во время осеннего пролета главным образом в болоте. Поэтому, говоря только об охоте с лега-

вой собакой, а не об образе жизни охотничьих птиц во всей совокупности, я причисляю дергача к болотной дичи, а не к полевой. Иногда во время пролета, дергачей бывает так много, и они так жирны и вкусны, что взять десятка два с умной, вежливой, опытной собакой—одно удовольствие. Но нужно сказать, что молодую, неопытную собаку дергач так горячит, что лучше всего, заметив, что собака стала по дергачу (или курочке, по характеру поиска этого не отличить), ее поскорее отвести прочь и начинать искать бекасов. Зато на второй год охоты, если собака вполне вежлива и понятлива, следует ее приучить и к охоте на коростелей (а следовательно и на курочек).

Обычно опытный охотник сразу может определить, что собака ищет по коростелю. Когда она станет и по слову „пиль“ захочет выгнать коростеля,—это уже на месте не окажется; при этом он так „напетляет“, что собака не скоро его найдет. Задача охотника заключается в том, чтобы собака поняла, что обычный прием подачи птицы тут непригоден, что здесь нужно что-то другое.

А это другое заключается в том, чтобы, сделав стойку и дождавшись подхода охотника, собака не разбирала бы следов сбежавшего дергача, а верным чутьем определила, где он сидит или бегаёт; после этого она должна моментально сделать маленький круг, убедиться, что дергач сидит в этом кругу между нею и охотником, и пойти на птицу с противоположной стороны.

Такого маневра ни один дергач не выдерживает; вместо того, чтобы спастись бегством, он колом подымается кверху.

Обучить этому маневру умную собаку всегда удается; когда начинаешь ей и словами и жестами показывать, что чужно делать, она влуг соображает; а раз сообразив, уже никогда не забывает. Сколько раз мне приходилось видеть охотников, изнывающих над коростелем и затем, в досаде уходящих прочь; а для других—это бывала очень

приятная охота, при которой коростель мгновенно попадал в сетку, пожалуй, проще всякой другой дичи. Но показывать этот маневр первогодней собаке отнюдь не рекомендуется, так как она может привыкнуть к срыву стойки и даже начать гонять птицу.

Промысловая ценность коростеля, несмотря на вкус его мяса, ничтожна, так как мясо поразительно быстро портится.

ОХОТА С ЛЕГАВОЙ ПО ЛЕСНОЙ ДИЧИ

Полевой тетерев. Хотя в промысловом отношении первое место в ряду лесной дичи, бесспорно, занимает рябчик, но, к сожалению, охота на рябчика с легавой собакой почти невозможна, так как выводок рябчиков, сидя на земле, абсолютно не выдерживает стойки. Едва собака причует след, как весь выводок с грохотом подымается, разлетается в разные стороны и рассаживается по деревьям, где их может подлаивать лайка, но не обыкновенная легавая. Возможно, что легавую собаку можно обучить этому делу, особенно немецкую легавую, но пока что с легавой по рябчикам не охотятся; во всяком случае это будет другой вид охоты,— уже без стойки. Поэтому охоты на рябчика я касаться не буду, а перекожу к тетереву.

Подобно тому как в болотной дичи я поставил на первое место бекаса, а не дупеля (хотя положить в сетку дупеля приятнее, чем бекаса), точно так же глухаренка, всегда предпочтешь тетеревенку, а случайного самца-глухаря—чернышу. Однако по значению для натаски и по количеству птицы тетерев имеет бесспорное право на первое место.

Хотя тетерев является зимующей птицей, но охота с легавой производится только в течение полутора месяцев (с 1 августа до половины сентября) главным обра-

зом по выводкам и лишь мимоходом по линияющим чернышам.

Любимым местопребыванием тетеревиных выводков являются так называемые пустоши, т. е. молодой смешанный лес и поросли с хорошим сенокосом. Тетерева особенно любят такие угодья, расположенные вдоль полей ржи и овса (но не пара), почему тетерев и получил название полевого, в отличие от глухаря, который держится в глухих лесах. Впрочем, тетеревиные выводки держатся не только около полей, но столь же охотно и по опушкам моховых болот. Обычно тетеревята великолепно выдерживают стойку в течение всего августа, и по тетеревиным выводкам очень хорошо натаскивать молодых собак; но так как в кустах собаку плохо видно, то (как я уже упоминал в главе о натаске) натаску следует начинать лишь после того, как собака привыкнет ходить по бекасам. Зато после натаски картинка меняется, и охота производится в августе по тетеревам, а в сентябре по дупелям и бекасам. В угодьях, где тетеревов много, охота по выводкам не оставляет желать ничего лучшего. К сожалению многие охотники (так называемые „шкурятники“) найдя выводок, первым делом бьют матку, которая обычно вертится вокруг собаки; затем, уложив собаку, они подсвистывают разлетевшихся в разные стороны тетеревят, а когда те подадут голос и цобегут на свист, забирают всех по одиночке. Такой способ охоты является чистейшим истреблением дичи.

При отыскивании тетеревиных выводков следует помнить главным образом две вещи: 1) что искать их надлежит в первую половину сезона по некосям, а во вторую по ягодникам, и 2) что лучшее время для охоты — раннее утро, когда тетеревята кормятся, дают по росе след и, кормясь порознь, вылетают по одиночке. Днем собака хуже чует, тетеревята держатся вместе около матки и не дают следа. Присутствие выводка легко у-

нается по так называемым „допкам“, т. е. разрытым муравейникам (особенно у гнилых пней), где матка находит для молодых муравьиные яйца.

Охотясь по выводкам, часто приходится проходить мимо крепких зарослей, расположенных вдоль болотных ручьев. По таким крепям всегда держатся линияющие черныши. Иногда они сидят даже по несколько вместе. Такие крепи всегда следует тщательно обыскивать. Вот здесь собака приучается к хорошей подводке, так как черныш не любит засиживаться, а старается спастись бегством; он не слишком надеется на линияющие крылья и, лишь отбежав достаточно далеко, где-нибудь в стороне, подымается. Но иногда он так крепко забивается в куст, что не только выдерживает какую-угодно долгую стойку, но с трудом выбивается из частого куста олешиника. В таких крепях постоянно удается прихватить одного-другого черныша.

Глухарь. Глухариные выводки хотя иногда и попадают вместе с тетеревиными, но скорее в том смысле, что тетерева попадают вместе с глухарями, а не наоборот. Глухариные выводки обитают в старых больших лесах, по мокрым местам, с редкими высокими камышами и т. п. растениями, в перемежку с обширными чернишниками, и своеобразными моховыми болотами (не гладкими, с мелкой сосенкой, где водятся белые куропатки), а переполненными разными корягами, колдобинами и т. п. по высокому лесу. Найти глухариные выводки в этих обширных, глухих местах очень нелегко.

Эта охота является пробным камнем для легавой собаки. Если даже собака наткнется на след и поведет, то выводок быстро побежит вперед, собака зря начнет делать стойку, а тем временем выводок поднимится вне выстрела и улетит куда-то в сторону, так что найти его вновь с неумелой собакой больше не удастся. Наоборот, умная, опытная, чутыстая собака, зачуяв выводок, оста-

новится на следу, подождет хозяина, а затем с поразительной осторожностью, чтобы ни один сучек не хрустнул под ногою, быстрым шагом поведет по выводку, озираясь, чтобы убедиться,— следует ли за нею охотник. Чувствуется, что собака и охотник живут одним общим желанием, слились в одно неразрывное целое. Таким скорым и верным шагом первоклассная английская легавая обычно успевает подвести охотника к выводку, который хотя и поднимается без стойки, но делает это в меру, так что удастся сделать чудесный дуплет.

Континентальная легавая с ее коротким поиском и медленной подводкой тут всегда спасует, и с нею удастся брать только маленьких глухарят из какого-нибудь запоздавшего выводка. После выстрелов глухарята разлетаются в разные стороны; в этом случае они опускаются всегда ближе, чем в том случае, когда улетают всем выводком без выстрела. Чутьистая собака обычно находит переживших и затаившихся глухарят. Таким образом удастся взять еще одного-другого глухаренка.

Опытные промышленники подсвистывают глухарят таким же способом, как и тетеревят; следует, однако, иметь в виду, что свист глухаренка—более басистый и немного дребезжащий. Благодаря подсвисту охотники часто забирают весь выводок.

Особенно заманчиво взять из-под легавой старика-глухаря. Если молодые глухарята бегут довольно изрядно, то старик сбегает так, что поспевать за собакой (которая понимает, что этот маневр глухаря предшествует взлету) приходится тоже бегом,—иначе глухарь поднимется вне выстрела. Конечно даже с самой опытной, вежливой и умной собакой не всегда удастся взять глухаря; но зато какое наслаждение испытываешь, когда удастся перехитрить глухаря, когда в глазах собаки читаешь, что она тоже принимает участие в этой борьбе. У меня, например, была ирландская сука, которая в случае

неудачи подхода старалась выследить, куда полетел поднявшийся глухарь, высматривала его на дереве и подлаивала, как лайка. Изумленный глухарь смотрел на нее сверху и легко подпускал на выстрел.

Белая куропатка. Охота на белых куропаток, несмотря на исключительную трудность ходьбы по топким моховым болотам, представляет совершенно особую, своеобразную прелесть. Выводки белых куропаток держатся почти исключительно в обширных сфагnumовых (так называется белый мох) болотах, поросших типичной низкорослой сосенкой и изобилующих клюквой, а по более сухим местам — голубикой. Во время дневной жары в этих мхах как-то особенно застаивается воздух, так что дышать становится тяжело, а тут еще нога тонет точно в какую-то бесконечную мягкую перину, где ногу приходится поднимать чуть не на полметра, чтобы сделать следующий шаг. От двух часов такой ходьбы устанешь больше, чем за целый день ходьбы по ровной твердой почве. Но когда найдешь выводок белых куропаток и из-под замершей на стойке собаки с своеобразным шумом и треском веером вырвется дюжина, а то и больше куропаток, — тут позабудется всякая усталость.

Иногда выводок белых куропаток, прежде чем подняться, быстро бежит вперед от начинающей приискивать собаки, если последняя копун, да еще пустостой, т. е. делает стойки не по птице, а по тому месту, где птица только что сидела, то получается не охота, а сплошное мучение. Однажды мне пришлось наблюдать, как знакомый мне горе-охотник безнадежно готовится к выстрелу, подходя к мертво стоящему ирландцу, демонстрирующему чудные стойки по пустым местам. Ирландец был высокопородный и достаточно чуткист, но навсегда испорчен держанием у ног и непониманием самой сути подводки. Полюбовавшись этой картиной, я попросил позволения помочь найти выводок. Широкими кругами ринулась моя

сука, с укоризною смотревшая на меня жалобными глазами за запрет искать чужой выводок; далеко от того места, где копался ее злополучный соплеменник, она внезапно остановилась, оглядываясь на нас. Мы быстро к ней подошли, и началась забываемая подводка. Мы почти бежали. Вдруг сука окаменела. Но на этот раз нам недолго пришлось ею любоваться. С грохотом вылетел барабанщик *, хитро отведший собаку в сторону от выводка, и попал в сетку моего сотоварища, прыгавшего от восторга, так как он слишком привык к „пуделяню“. Однако терять времени было нечего. Я приказал собаке искать в противоположном направлении, и минут через двадцать она напала на след выводка. Скоро все было кончено, с треском поднялся выводок, сопровождаемый грохотом четырех выстрелов, а затем мы подбирали рассеявшуюся молодежь уже поодиночке. Чутьистый ирландец моего сотоварища показал недурную работу по крепко сидящим одиночкам, а я пошел искать новый выводок.

Вальдшнеп. Из остальной лесной дичи остается сказать несколько слов о вальдшнепе, правильнее говоря только об осенних высыпках вальдшнепа на пролете, так как местного вальдшнепа приходится бить из-под легавой только случайно.

Вальдшнепиные высыпки обыкновенно бывают по молодому лесу и по кустарникам. Стрельба иногда чрезвычайно трудная, так как вальдшнеп летит довольно быстро и ловко ныряет за деревья и кусты. Тем не менее, опытный стрелок с вежливой и чутьистой собакой может взять много вальдшнепов, если нападет на хорошую высыпку.

Нужно заметить, что стойку вальдшнеп выдерживает не слишком долго; вообще, по отношению к вальдшнепу

* Так охотники называют старика-самца.

широкий поиск скорее вреден, чем полезен. Умная собака это сама соображает; она сужает круги и ищет близ охотника.

А до тех пор, пока она недостаточно опытна, ее приходится сдерживать и заставлять ходить поближе.

Как по качеству мяса, так и по ценности на рынке, по трудности стрельбы и по приятности охоты вальдшнепа нужно доставить на одно из первых мест. Это дичь первоклассная во всех отношениях.

ОХОТА С ЛЕГАВОЙ ПО ПОЛЕВОЙ ДИЧИ

Из всех видов полевой или степной дичи для охоты с легавой имеют значение только перепелка и серая куропатка. Прежде в приволжских степях можно было охотиться с легавой еще на стрепета (и это была великолепная охота), но в настоящее время стрепет стал так редок, что решительно не стоит говорить об охоте на него с легавой в брошюрке, не имеющей в виду исчерпать все виды дичи, а лишь желающей дать полезные советы молодым охотникам.

Перепелка. Охота по перепелам имеет значение только на юге, т. е. на Украине и в черноземной полосе РСФСР., а во время пролета—в Крыму и на Кавказе, где их бьют тысячами. В Московском и более северных районах перепелок немного, и их приходится брать случайно, при охот на серых куропаток или просто мимоходом. Но где их много, там это—чудная охота, так как перепелка хорошо выдерживает стойку, быстро и красиво летит и обладает первоклассным по вкусу мясом.

Серая куропатка. Серая куропатка всегда и везде является одним из самых ценных видов дичи как по качеству мяса, так и по чрезвычайно приятным условиям охоты и быстрому, прямому полету. Кроме всех

перечисленных достоинств, куропатку легко разводить искусственно в правильных охотничьих хозяйствах. В Западной Европе серая куропатка вместе с фазаном и зайцем является основным видом дичи как для спортивной охоты, так и для промышленного охотничьего хозяйства, дающего охотнику возможность безбедного существования.

В деле натаски легавой собаки серая куропатка, отличаясь некоторыми своеобразными особенностями, играет вместе с бекасом и тетеревом основную роль. Бекасом натаска начинается, тетеревом продолжается, серой куропаткой заканчивается.

Выводки серых куропаток держатся в полях, особенно яровых, где много картофеля и гречихи; серая куропатка очень любит кустарниковые лесные опушки, окаймляющие такие поля. Когда овес уже сжат, а картофель еще не убран, куропатки особенно любят такие картофельные полосы. Искать по картошке собаке не возбраняется, так как она его не портит, а стрелять, стоя на краю полосы, очень удобно. Куропатки особенно любят поля, которые пересечены ручейком или оврагом.

Стойку одиночные куропатки выдерживают очень хорошо, но первоначально выводок спасается бегством; однако настигнутый собакой он поднимается с невероятным свистом и шумом, а после выстрелов выводок летит уже не кучей, а несколько разбиваясь и рассаживаясь порознь, но недалеко один от другого. Обычно можно проследить глазами, куда полетел выводок и где приблизительно опустился*. Тогда нетрудно его снова найти и перебрать по одиночке. Когда выводков много, это одна из самых веселых охот.

* Следует только помнить, что куропатки обязательно садятся не сразу, а в два приема.

ОХОТА С ЛЕГАВОЙ НА ВОДЯНУЮ ДИЧЬ

Видов водяной дичи, особенно разных пород уток, чрезвычайно много (желающие могут ознакомиться с ними в большом сочинении проф. Мензбира „Охотничьи и промысловые птицы России“). Но по роду охоты они ничем не отличаются друг от друга. Охотиться с легавой можно только по молодым уткам, так как позднее, когда утки уже хорошо летают и собираются в стаи, они большей частью не подпускают собаку. Их бьют на переплетках, где роль собаки может сводиться только к вытаскиванию убитой утки из воды. Между прочим в главе о дрессировке я упоминал, что английские легавые часто отказываются аппортировать убитую птицу. Это правило обычно не относится к уткам. Собака, точно найдя, что аппортирование дичи, лежащей на земле и с ю отмеченной, является пустой прихотью охотника, всегда выносит убитую утку из воды на берег и кладет к ногам хозяина; легавая как бы сознает, что к птице, лежащей в воде, охотнику не подойти,

Англичане охотятся на уток со спаниелями и ретриверами; однако с большим успехом можно охотиться и с легавой.

Молодые утки стойки не выдерживают, а, заметив преследование собаки, начинают улепетывать, то подлетывая, то плавя и ныряя, то убегая по высокой траве на берегу. Собаку такая охота страшно горячит, и потому с легавой, особенно английской, по первому полю охотиться на уток абсолютно недопустимо; всегда остается риск собаку испортить: приучить ее гоняться за птицей. Но по второму полю (и во всяком случае — по третьему) с вежливой собакой можно пойти и на утиную охоту. Когда собака уразумет ее суть, можно охотиться уже с полным успехом, так что легавая едва ли уступит спаниелю, нисколько не перенося условий гонки по уткам на другую

дичь. Я знавал превосходных сеттеров (особенно одного лаверака и одного гордона), которые просто занимались ловлей молодых утят, так что сетка хозяина заполнялась даже без выстрела; в то же время это были первоклассные собаки для охоты по другим видам птиц как в болоте, так и в лесу.

Охота на уток может быть очень веселая и прибыльная, но все же это не охота с легавой, потому что тут почти нет той стойки, которая является основой всей охоты с легавой.

Если сравнить охоту с легавой с другими видами охоты, то, конечно, трудно доказать, какой именно вид охоты самый увлекательный. Однако, для истинного любителя собаки, как друга человека, охота с легавой может быть поставлена на первое место.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	3
Легавая собака	5
Дрессировка легавой собаки	7
Натаска легавой собаки	13
Охота с легавой по болотной дичи	22
Бекас	22
-Душель	25
Гаршнеп	26
Дергач и болотные курочки	27
Охота с легавой по лесной дичи	29
Полевой тетерев	29
Глухарь	31
Белая куропатка	33
Вальдшнеп	34
Охота с легавой по полевой дичи	35
Перепелка	35
Серая куропатка	35
Охота с легавой на водяную дичь	37

Уважаемые охотники!

Наша охотничья литература имеет славные и богатые традиции. Со времени выхода первой охотничьей книги на русском языке (1766 г.) издано огромное количество всевозможных наставлений, руководств и справочников по охоте. Многие из них, не выдержав испытания временем, безнадежно устарели и справедливо забыты.

Однако лучшие пособия, ставшие охотничьей классикой и не переиздававшиеся десятилетиями, и сегодня представляют немалый интерес для охотников и любителей книги.

Переиздание трудов признанных корифеев охотничьего и оружейного дела С. А. Бутурлина, Н. А. Зворыкина, Н. П. Пахомова, Н. Н. Челищева и других в какой-то степени восполнит дефицит охотничьей литературы.

Репринтное издание позволяет в неприкосновенности сохранить форму и стиль изложения книг, ставших большой библиографической редкостью.

Разумеется, при практическом использовании советов уважаемых авторов охотники должны помнить о том, что некоторые охотничьи нормы и правила со времени первого издания книги существенно изменились.

1-99

Цена 1 р. 89 коп.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Впервые в России готовится к изданию историко-литературный альманах для охотников „Русская охота“. В работе над альманахом принимают участие авторы, имена которых хорошо известны читателям. Периодичность выпуска альманаха — 4 книги в год. Объем каждой книги до 500 страниц увеличенного формата. Книга в твердом переплете, прекрасно иллюстрирована цветными слайдами, черно-белыми фотографиями, рисунками и старинными гравюрами.

Русская охота в прошлом и настоящем — таково содержание нового охотничьего альманаха. На его страницах читатель познакомится с охотничьей классикой, с авторами замечательных произведений, о которых, как правило, мало что известно: с забытыми видами охот; с очерками об охоте в России в настоящее время; с оригинальной фотолетописью охоты, в которой будут публиковаться как уникальные снимки прошлого, так и фотографии нашего времени.

Оригинальны разделы „Знаменитые охотники прошлого“ и „Охота в культуре“. Заинтересуют читателя разделы о ружьях, собаках, архивных находках, а также о старых и новых книгах об охоте.

Альманах издается при участии членов творческого охотничьего клуба ЮНЕСКО „КРЕЧЕТ“.